

УДК 811.161.1'38 + 821.161.1-1

К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯТИВНОСТИ НА УРОВНЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ФУТУРИСТОВ

Нина Геннадьевна Петрова

к. филол. н., доцент кафедры теории и методики дошкольного образования

Новосибирский государственный педагогический университет

630126, Новосибирск, ул. Вилуйская, 28. npetrova@ngs.ru

В статье на материале поэтического дискурса футуристов, представленного сборниками стихов «Отплыть на о. Цитеру» (1912) Г.Иванова и «Громокипящий кубок» (1913) И.Северянина, а также стихотворениями В.Маяковского и В.Хлебникова, написанными поэтами до 1917 г., рассматриваются особенности лексических регулятивных цепочек, основанных на семантической соотнесенности слов. Выявляется ряд инноваций эго- и кубофутуристов в области лексических регулятивных цепочек данного типа. Отмечается сходство лексической регулятивности на уровне высказывания в поэтических дискурсах футуристов и символистов, свидетельствующее о влиянии символизма на поэтику раннего русского футуризма.

Ключевые слова: поэтический дискурс; футуризм; высказывание; регулятивность; регулятивные цепочки, основанные на семантической соотнесенности слов.

Диалог с текстом (в том числе и художественным) продолжает оставаться ключевой проблемой для различных областей гуманитарного знания.

Несмотря на значительное количество теорий понимания (концепции смыслового восприятия И.А.Зимней, включающей три этапа: побуждающий, формирующий и реализующий [Зимняя 1976: 31–32], теории С-моделей О.Л.Каменской, компонентами которой «являются представления и понятия о предметах и явлениях внешнего мира и отношениях между ними, закодированные в некоторых случаях вербальными или другими знаками» [Каменская 1990: 23], и других), внутренний механизм понимания еще далеко не исследован.

Настоящая статья выполнена в рамках одного из активно развивающихся направлений коммуникативной стилистики текста – теории регулятивности – и посвящена рассмотрению лексической регулятивности на уровне высказывания в поэтическом дискурсе футуристов.

Необходимо отметить, что постановка проблемы регулятивности художественного текста и разработка ее теоретических основ принадлежит Н.С.Болотновой, что отражено в целом ряде работ исследователя начиная с 90-х гг. XX в. Регулятивность применительно к художественному тексту трактуется как «системное качество тек-

ста, заключающееся в его способности “управлять” познавательной деятельностью читателя» [Болотнова 1998: 180].

К настоящему времени Н.С.Болотновой разработана категориально-терминологический аппарат теории регулятивности, включающий такие понятия, как: «коммуникативные универсалии», «регулятивные средства», «регулятивные структуры», «регулятивная макроструктура текста», «регулятивная стратегия», «доминанта регулятивности», «способы регулятивности»; предложена типология регулятивных средств на уровне элементов текста; выявлена типология регулятивных стратегий применительно к поэтическому тексту. Кроме того, уточнено место теории регулятивности в современном научном контексте: отмечены общность и различия данной теории с лингвистической прагматикой, психолингвистикой, теорией речевого воздействия, психопоэтикой, суггестивной лингвистикой (см. об этом, например: [Болотнова 1992, 2003, 2008, 2011; Болотнова, Бабенко и др. 2011: 12–42] и др.).

В последние годы теория регулятивности все активнее привлекает внимание ученых: исследуются регулятивные средства, приемы, структуры, коммуникативные универсалии и др. в текстах разной жанрово-стилевой ориентации (см. библиографический указатель по научному на-

правлению: [Болотнова, Васильева 2009: 37–51], а также коллективную монографию [Болотнова, Бабенко и др. 2011]).

Преимущество теории регулятивности текста состоит в том, что она «позволяет исследовать его смысловое развертывание и выявлять прагматический эффект, т. е. дает ключи к тексту как “генератору” информации разных типов» [Болотнова 2008: 29].

С учетом того, что нами уже рассмотрены некоторые особенности лексической регулятивности на уровне высказывания у поэтов-символистов и акмеистов (см. об этом: [Петрова 2010, 2012]), выбор в качестве материала для данного исследования поэтических текстов, принадлежащих перу ярких представителей русского футуризма, является закономерным. Обращение к поэтическому творчеству футуристов позволяет не только описать своеобразие регулятивности на данном уровне у поэтов-футуристов, но и выявить общие черты, свойственные основным литературным направлениям Серебряного века русской поэзии.

Анализ поэтических дискурсов символистов и акмеистов показал, что на уровне высказывания – основной коммуникативной единицы, способной отражать целый фрагмент действительности – ситуацию [Гак 1973: 358], важными для организации познавательной деятельности читателей являются два типа регулятивных цепочек: содержащие тождественные лексические единицы и основанные на семантической соотнесенности слов (подробнее об этом см.: [Петрова 2010, 2012]). Под регулятивными цепочками нами понимаются союзные и бессоюзные объединения семантически близких или тождественных лексических единиц, которые могут быть в объеме как слов, так и сверхсловных единиц, обусловленные микростратегией автора, отражающей его стремление актуализировать в сознании читателя важные в коммуникативном отношении элементы описываемой ситуации.

Поскольку нами уже описаны особенности регулятивных цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц, характерные для поэтических текстов эгофутуристов (И.Северянин, Г.Иванов) и кубофутуристов (В.Маяковский, В.Хлебников) (см. об этом: [Петрова 2013]), то в данной статье обратимся к рассмотрению регулятивных цепочек, основанных на семантической соотнесенности слов.

Материалом для исследования послужили сборники стихов Г.Иванова «Отплыть на о. Цитеру» (1912) [Иванов] и И.Северянина «Громокипящий кубок» (1913) [Северянин 1988], а также стихотворения В.Маяковского (в том числе

книга стихов «Простое как мычание» (1916) [Маяковский 1990]), [Маяковский 1978, I] и В.Хлебникова [Хлебников 1986], написанные поэтами до 1917 г.

В рамках регулятивных цепочек, основанных на семантической соотнесенности слов, в зависимости от характера семантического взаимодействия лексических единиц выделяются **синонимические, антонимические и синонимично-антонимические** цепочки.

В синонимических цепочках, фиксирующих внимание читателей на различных элементах описываемой ситуации (субъектах, объектах, их свойствах, действиях или состояниях, пространственно-временном континууме), представлены отношения усиления семантических признаков одного из элементов ситуации. В антонимических, отражающих сложность и противоречивость описываемых явлений и передающих разнообразие субъективных мироощущений художников слова, – отношения контраста. (О типах смысловых отношений лексических элементов в художественном тексте см.: [Болотнова 1992: 201–233].)

В целом основанные на принципе повтора, данные регулятивные структуры (включая и их сочетание) являются значимыми для деятельности читателей, так как служат не только прагматическим целям, но и коммуникативным: способствуют постижению поверхностного смысла высказывания, требующего дальнейшего уточнения в текстовой перспективе.

Анализ поэтических текстов показал, что на уровне высказывания Г.Иванов (далее – Г.И.), И.Северянин (далее – И.С.), В.Маяковский (далее – В.М.) и В.Хлебников (далее – В.Х.), как и поэты-акмеисты (Н.С.Гумилев, А.А.Ахматова и О.Э.Мандельштам), употребляют два вида регулятивных цепочек: синонимические и антонимические.

Синонимы, образующие одноименные регулятивные цепочки, на уровне высказывания (включая и сложное) выполняют у поэтов-футуристов усилительную функцию, а также служат для наиболее точного обозначения предмета речи. Ср. у Г.Иванова: *И все несносней и больней / Мои томления и муки; Зари огнецветной порфира / Бледнела, медлительно блекла...; И блекнет он, Божий, и вянет он, юный;* у И.Северянина: *Повсюду сон, везде туман, / Как обруч – голоса...; В его лучах легко и просто / Вступаю в жизнь, как в листный сад; И было так странно, так дивно / Вам, жалкие темные люди!; Мне хочется, чтоб сгинул, чтоб исчез / Тот дом, где я – замужняя невеста!..;* у В.Маяковского: *Пусть исчезну, / чужой и за-*

морский, / под неистовства всех декаблей; Плач и вой морями носится: / овдовела минонощица; Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста / Где-то недокушанных, недоеденных щей; у В.Хлебникова: Разрежет жилы коням, / Хохочет и смеется; Как ужас или как творец неясной шутки / Он принял вид и облик подземных существ?

У Г.Иванова и И.Северянина имеют место случаи, когда синонимы, расположенные на уровне сложного высказывания как контактно, так и дистантно, относятся к разным предметам / явлениям действительности: *Моей тоски не превозможь, / Не одолеть мечты упорной* (Г.И.); *Повсюду сон, везде туман, / Как обруч – голоса...* (И.С.). Считаем правомерным трактовать такие цепочки в качестве разновидности “перекрестных”, о которых шла речь ранее в связи с рассмотрением регулятивных цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц (см., например: [Петрова 2012: 219]).

Как правило, синонимичные регулятивные цепочки у футуристов являются однородными, т. е. в их состав входят синонимические единицы одного уровня.

Несомненный интерес представляет синонимическая регулятивная цепочка, встретившаяся в стихотворении В.Маяковского «Теплое слово кое-каким порокам»: *Слава тому, кто первый нашел, / как без труда и хитрости, / чисто-плотно и хорошо / карманы ближнему вывернуть и вытрясти!*

Образованная за счет объединения двух устойчивых выражений: стилистически нейтрального “*вывернуть карманы перед кем-л.*” со значением “*израсходовать все до последней копейки*” и разговорного “*вытрясти карман чей*” с семантикой “*истратить все свои деньги или вынудить кого-л. к большим тратам*” (см.: [Большой толковый словарь...]) – синонимическая регулятивная цепочка на уровне сложного высказывания приобретает несколько иной смысл: “*полностью и принудительно лишить кого-л. (в данном случае ближнего) денежных средств*”.

В стихотворении Г.Иванова «У моря» на уровне сложного высказывания отмечена синонимическая регулятивная цепочка, характеризующая кружево платья лирической героини, с двойным последовательным усилением нового (дополнительного) смысла, возникающего в результате распространения: *О, кружево Вашего платья – / Так нежно, так дымчато-тонко, / Как газ у подножья распятыя, / Как греза в молитве ребенка.*

Как видно, если первое распространение вызвано осложнением лексемы “тонко”, являющейся синонимом к слову “нежно” (см.: [Абрамов 1999]), кратким прилагательным “дымчато”, передающим одновременно значение цвета и “летучести”, то второе состоит в употреблении двух сравнительных оборотов, соотносимых по семантике как с синонимичными лексическими единицами, так и с осложняющим компонентом.

Нередко у поэтов-футуристов синонимичные лексические единицы, входящие в состав регулятивных цепочек, осложняются наречием “так”, обозначающим высокую меру, сильную степень проявления какого-либо качества, действия, состояния: *И было так странно, так дивно / Вам, жалкие темные люди!* (И.С.); *О, кружево Вашего платья – / Так нежно, так дымчато-тонко, / Как газ у подножья распятыя, / Как греза в молитве ребенка* (Г.И.); *Траур воронов, выкаймленный под окна, / небо, в бурю крашеное, – / все было так подобрано и подогнано, / что волея-неволей ждалось страшное* (В.М.). Небезынтересно, что данное наречие выступает в качестве конкретизатора, осложняющего один из членов лексических регулятивных цепочек, основанных на тождественном повторе, в поэтических текстах К.Д.Бальмонта. Ср., например, строки из стихотворения «С морского дна, 2» из сборника «Будем как солнце»: *Но тихо, так тихо, меж дев, задремавших вокруг, / Послышался новый, дотоле неведомый, звук. // И нежно, так нежно, как вздох неподводной травы, / Шепнул он: «Я с вами, но я не такая, как вы...* (Подробнее о конкретизаторах у символистов см.: [Петрова, 2010: 138].)

Наблюдения показали, что для И.Северянина и В.Хлебникова характерны не только гомогенные по семантике синонимические цепочки, свойственные также символистам и акмеистам, но и гетерогенные. Их суть состоит в том, что к синонимичным членам “подключаются” лексические единицы, ничего общего с ними не имеющие, так как содержат указание на новый признак или действие: *И, темны, смутны и круглы, / Над полем кружатся орлы* («Скифское»); *И плачет дружинник, ключ в скважину суя, / Суровый, сердитый, огромный* («Мария Вечора»); *И, сев на корточки, вытягивало шею. Рой желаний / Его томил и мучил, чем-то звал* (В.Х.); *И Солнце томится и страждет, / И жаждет скорее свиданья / С далекой, но милой Землей* (И.С.).

Как видно из примеров, “столкновение” различных смыслов, возникающее за счет своего рода монтажности, создает динамику (особенно это касается имен прилагательных, которые, как

известно, в отличие от глаголов, обозначают статический признак) и активизирует читательское восприятие.

Представляется, что данные гибридные регулятивные структуры не только отражают теорию “сдвига” А.Крученых [Крученых 1992], но и соотносятся с проблемами «стыка» («несовместимостью тканей») и «целостности, композиционного и смыслового единства», о которых пишет в своей работе А.Г.Раппапорт [Раппапорт 1988: 16], анализируя рожденное в конструктивистской поэтике (прежде всего кино) понятие «монтаж». Ср.: «Авангард пытался разрушить принцип однородного рельефа. “Контррельефы” и “материальные подборы” В.Татлина и П.Пикассо конструируются из материально разнородных частей» [там же: 16]. (Примером разрушения принципа «однородного рельефа» у футуристов может служить использование обоев в «Садке судей» (1910), а также их опыты в книжном искусстве в целом.)

Кроме того, нарушение принципа гомогенизации регулятивных цепочек, основанных на семантической соотнесенности слов, свидетельствует о важности для поэтических систем футуристов (в частности, И.Северянина и В.Хлебникова), наряду с категорией анализа (распада), категории синтеза (объединения). Ср., например, точку зрения Е.А.Михалик: «На всем протяжении творчества Хлебникова содержание метасюжета его поэзии составляет преодоление мировой разобщенности путем связывания и объединения в целое разрозненных элементов мира, выстраивания этих элементов, а также придания их движению целенаправленного характера» [Михалик 2010: 7].

Нередко гомогенные синонимические цепочки эго- и кубофутуристов, в отличие от аналогичных у символистов и акмеистов, претерпевают трансформации или, по теории А.Крученых [Крученых 1992], “сдвиги”.

Прежде всего, обращает на себя внимание стилистическая маркированность лексических единиц, входящих в состав синонимических цепочек: *Мне хочется, чтоб **сгинул**, чтоб **исчез** / Тот дом, где я – замужняя невеста!..* (И.С.); ***Плач** и **вой** морями носится: / овдовела миноносица* (В.М.); *И Солнце **томится** и **страждет**, / И **жаждет** скорее свиданья / С далекой, но милой Землей* (И.С.). В приведенных примерах лексемы “сгинуть” и “вой” являются разговорными; грамматическая форма “страждет” от глагола “страдать”, встретившаяся у И.Северянина, – устаревшей и книжной (см. [Большой толковый словарь...]).

В стихотворении В.Хлебникова «Бог 20-го века» неправильно образована грамматическая форма одного из членов синонимической регулятивной цепочки: *Здесь возник, **быстер** и **резв**, / Бог заводов – самозванец*. У И.Северянина наблюдается необычное сочетание лексических единиц: *Послушаем, что говорят приметы / О **тягостной**, **мучительной** звезде*. Ср. положение, сформулированное А.Крученых в «Сдвигологии русского стиха»: «Неожиданное слово для всякого поэта важнейший секрет искусства» [Крученых 1992].

Представляется, что и эмоционально-экспрессивная окрашенность лексических единиц, и ошибка в образовании краткой формы прилагательного, и нетипичная сочетаемость в рамках синонимических регулятивных цепочек – это своего рода футуристические приемы, которые, с одной стороны, дополнительно активизируют читательское внимание на уровне высказывания, с другой – отражают свойственный поэтике футуризма «синдром тотальной новизны» [Иванюшина 2003: 24].

Кроме узуальных синонимов И.Северянин и В.Маяковский употребляют и уникальные (авторские), но их количество незначительно. Например: *Траур воронов, выкаймленный под окна, / небо, в бурю крашеное, – / все было так **подобрано** и **подогнано**, / что волей-неволей ждалось страшное* (В.М.); ***Трещала**, **палила** буря, и якорные канаты, / Как будто титаны-струны, озвучили весь корвет; Пряное душистое предгрозье / Задыхало груди. У реки, / Погружаясь в **бездумье** и **безгресье**, / Удили форелей старики* (И.С.). Как видно, в последнем примере из стихотворения И.Северянина «В предгрозье» в отношении синонимии вступают узуальная лексическая единица “бездумье” и окказиональная “безгресье”. Ср. синонимический глагольный ряд, представленный в Словаре русских синонимов ...: «**Мечтать**, **бредить**, **воображать**, **грезить**, **думать**, **парить по воздуху**, **воздушные замки строить**, **фантазировать**; **представлять себе**, **погрузиться в мечты**» [Абрамов 1999].

Как показали наблюдения, на уровне высказывания, включая сложные, и И.Северянин, и Г.Иванов, и В.Маяковский, и В.Хлебников употребляют антонимические регулятивные цепочки. При этом чаще регулятивные цепочки данного вида встречаются в поэтических текстах И.Северянина и В.Хлебникова: *Все, что **находит**, **теряет** сердце мое... Божже, Божже! / Прозрачный промельк экспресса дал мне чаруйную боль; **День** и **ночь** хожу по лестнице, завесу / Очередной спальни дергая рукой...; Наклонясь с улыбкой к адъютанту – / К девушке, идущей за*

плечом, – / Я беру ее за аксельбанты, Говоря про все и ни о чем...; Я с первобытным неразлучен, / Будь это жизнь ли, смерть ли будь; О, посмотри! как много маргариток – / И там, и тут...; Не сблизиться им никогда, / Они и далеки, и близки; Но ты должна принять!.. И плач, и хохот лиры – / Очам твоей души!..; Вся радость – в прошлом, в таком далеком и безвозвратном, / А в настоящем – благополучье и безнадёжность (И.С.); Я слышал смутно лязг мечей и пение стрел, / Летя от осени к весне к тебе, о любовь (Г.И.); Прохожие стремились войти и выйти; Когда все расселятся в раю и в аду, / земля итогами подведена будет (В.М.); Я не знаю, были ли моими бабушкой и дедом / Обезьяны, т<ак> к<ак> я не знаю, хочется ли мне сладкого или кислого; Быстра ли, медленна езда, / Бежит в траве подруга; И жизнь иль смерть – любое, / И алчут кони боя; Закон качелей велит / Иметь обувь то широкую, то узкую (В.Х.)

Для выражения противоположности, создания контраста в рамках высказывания поэты-футуристы наряду с узуальными антонимами используют также и авторские. Ср. у Г.Иванова: *Едва ль когда под солнцем иль луной / Любвей чем Ваш, Грааль Арельский, / Сонет сверкал истомно-кружевной!*; *Монаха и святотатца, / Я всех теперь обниму*; у И.Северянина: *Мои улады – для них отравы; И ты, вся святая когда-то, развратна...*; *Я заклею, как некогда Бодлер; / То – я скорблю, то – мне от смеха душно*; у В.Маяковского: *Гладкий парикмахер сразу стал хвойный, / лицо вытянулось, как у груши; Вижу, / вправо немножко, / неведомое ни на суше, ни в пучинах вод, / старательно работает над телячьей ножкой / загадочнейшее существо*; у В.Хлебникова: *Вейся, вейся, русское знамя, / Веди через суши и через хляби!*; *Где шествовал бог – не сделанный, а настоящий, / Там сложены пустые ящики.*

Следует отметить, что у всех авторов в составе антонимических регулятивных цепочек доминируют разнокорневые антонимы. Случаи употребления футуристами однокорневых антонимов в качестве членов одноименных цепочек, как и у поэтов-акмеистов, единичны. Встретились они у И.Северянина и В.Маяковского: *Хитрая смерть ошиблась и оказалась не хитрой* (И.С.); *Прохожие стремились войти и выйти* (В.М.).

Примечательно, что, в отличие от символистов и акмеистов, поэты-футуристы употребляют антонимы не только в соединительной и противительной функциях, но и разделительной. При этом, как видно из приведенных примеров, и эго-, и кубофутуристы активно используют разнооб-

разные средства связи для выражения перечисленных отношений: *и, и ... и, ни ... ни; а, но; или, ли, то ... то*, а также устаревший и разговорный союз “иль”.

Анализ поэтических текстов футуристов показал, что некоторые из особенностей, свойственных синонимическим цепочкам, повторяются и в антонимических регулятивных цепочках. Во-первых, это способность на уровне высказывания (в том числе и сложного) характеризовать разные предметы (субъекты), явления действительности или состояния: *Солнце за ткани тумана / Прячется чаще и редко блистает* (Г.И.); *Я сам себе боюсь признаться, / Что я живу в такой стране, / Где четверть века центрист Надсон, / А я и Мирра – в стороне; Не испугалась я, – я поняла: она мгновенье, а вечность – я; Идите мимо в своих событиях, – / Я безвопросен: вы безответны; Пылаю солнцем, льюсь луной* (И.С.); *А после / ходит тревожный, / но спокойный наружно* (В.М.); во-вторых, семантическая гибридность (гетерогенность) регулятивных структур: *Прямо ль, влево ль, вправо ль бросится, / а сбежала миноносица* (В.М.); в-третьих, употребление стилистически окрашенных лексических единиц в составе антонимических цепочек: *Мои улады – для них отравы; Я заклею, как некогда Бодлер; / То – я скорблю, то – мне от смеха душно* (И.С.); *Вейся, вейся, русское знамя, / Веди через суши и через хляби!*; *Раздору, плахам – вчера и нынче – город ясли* (В.Х.). Согласно Большому толковому словарю... [Большой толковый словарь...] “отрава”, “нынче” и “хляби” – разговорные лексические единицы, “улада” – традиционно-поэтическая; “скорбеть” относится к высокому стилю.

Заметим, что для И.Северянина и В.Хлебникова, как и для З.Н.Гиппиус, характерен особый тип лексических регулятивных цепочек, представляющий собой контаминацию регулятивных цепочек, содержащих тождественные лексические единицы, и антонимических регулятивных цепочек (разновидности цепочек, основанных на семантической соотнесенности слов): *Шагну вперед, шагну назад, – / То к дубу, то к волне; И ты, вся святая когда-то, развратна... / Развратна! – не надо лица твоего!* (И.С.); *Тех, кто мертв, собрал кто жив* (В.Х.). Ср. аналогичный пример на уровне сложного высказывания, встретившийся в стихотворении З.Н.Гиппиус «Цепь»: *Идут – красивые, и безобразные, / Идут веселые, идут печальные; / Такие схожие – такие разные, / Такие близкие, такие дальные.* Выявленный тип лексических регулятивных цепочек позволяет акцентировать внимание чи-

тателя не на одном, а на нескольких элементах ситуации, важных для автора.

В стихотворении И.Северянина «Грасильда» отмечается объединение двух видов регулятивных цепочек, основанных на семантической соотнесенности слов: синонимических и антонимических. При этом в качестве членов антонимических цепочек могут выступать как узуальные, так и авторские лексические единицы: *И ни туда, и ни сюда, – / И всюду, и везде!; И ни в груди, и ни в уме, / И всюду, и везде!* Связанные соединительными союзами, выражающими отношения перечисления, антонимы в каждой из цепочек имеют общее значение: “ни в каком месте, ни в одном из мест”, т.е. “нигде”. Именно по этому значению они вступают в отношения антонимии с членами синонимических цепочек с семантикой “во всех местах; всюду, повсюду”. Таким образом, сочетание цепочек разных видов, создавая динамику, приводит к расширению границ описываемого явления. Ср. замечание И.Ю.Иванюшиной: «Авангард формализует (курсив автора. – Н.П.) идею полифонизма. Сосуществование разных точек зрения понимается здесь в прямом смысле слова: предмет изображается сразу в нескольких ракурсах, перспективах, масштабах, координатах времени» [Иванюшина 2003: 32].

Приведенные примеры коррелируют с синонимично-антонимическими цепочками, отмеченными у символистов, но не тождественны им. Ср. у К.Д.Бальмонта: *Когда же урюсь я вином мировым, / Умру и воскресну и буду живым...* или у З.Н.Гиппиус: *Все благо: и жизнь! и явь! и сон!*

В целом, синонимические и антонимические регулятивные цепочки, а также их объединение, обладая мощным когнитивным потенциалом, не только расширяют представления читателя об окружающем мире, но и приближают к авторскому миропониманию.

Например, контаминация двух регулятивных цепочек, завершающих стихотворение «Грасильда» (*Любовь ни здесь, любовь ни там, – / И всюду, и везде!*), позволяет И.Северянину передать представление о любви как принципе бытия. Небезынтересно, что аналогичное понимание любви представлено и у К.Д.Бальмонта в сборнике стихов «Только любовь»: *О, люди, я чувствую только Любовь!* («К людям»); *Любовь есть свет, что сходит к нам оттуда, / Из царства звезд, с лазурной высоты, / Она в нас будит жажду чуда. // И красоты* («Итальянский цветок»).

Подведем некоторые итоги.

Для организации познавательной деятельности читателей на уровне высказывания И.Северянин, Г.Иванов, В.Маяковский и В.Хлебников активно употребляют характерные для поэтических дискурсов символистов и акмеистов лексические регулятивные цепочки, основанные на семантической соотнесенности слов.

Наличие цепочек данного типа в поэтическом творчестве футуристов вступает в явное противоречие с их манифестами, в которых они декларировали эстетические антипатии и заявляли о своем отличии от всего, до них существовавшего. Ср.: «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч., и проч., с парохода Современности» [Пощечина общественному вкусу 1912].

Выявленное сходство лексической регулятивности на уровне высказывания в поэтических дискурсах футуристов и символистов (осложнение синонимичных лексических единиц, входящих в состав регулятивных цепочек, наречием “так”; широкое употребление антонимических регулятивных цепочек; различные контаминации разных типов и видов регулятивных цепочек) подтверждает вывод О.Клинга [Клинг 1996] о влиянии символизма на поэтику раннего русского футуризма.

Творческая «стратегия пре-ступления всех и всяческих граней», свойственная футуризму как литературному направлению (о ней см.: [Иванюшина 2003: 17]), проявилась в ряде инноваций эго- и кубофутуристов в области лексической регулятивности на уровне высказывания. Среди них: семантическая гетерогенность регулятивных структур; “столкновение” в рамках каждого из видов цепочек, основанных на семантической соотнесенности слов, стилистически окрашенных и нейтральных лексических единиц или только окрашенных. Поскольку данные изменения (“эволюционные процессы”) последовательно представлены как в синонимических, так и антонимических регулятивных цепочках, то это дает основание трактовать их в качестве отличительных особенностей поэтического дискурса футуристов.

Список источников

Иванов Г. Отплыть на о. Цитеру. URL: <http://lib.ru/RUSSLIT/IWANOWG/stihi.txt> (дата обращения: 20.05.2012).

Маяковский В.В. Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1978. Т.1. Я сам. Стихотворения (1912–1925) / вступ. ст. А.Суркова; примеч. Г.Черемина. 559 с.

Маяковский В.В. Простое как мычание / пос-слесл. Е.Майорова. М.: Книга, 1990. 116 с. (Книжные редкости. Библиотека репринтных изданий).

Северянин И. Стихотворения / сост., вступ. ст. и примеч. В.А.Кошелева. М.: Сов. Россия, 1988. 464 с.

Хлебников В. Творения / общ. ред. и вступ. ст. М.Я.Полякова; сост., подгот. текста и коммент. В.П.Григорьева, А.Е.Парниса. М.: Сов. писатель, 1986. 736 с.

Список литературы

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Рус. словар-и, 1999. 431с. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/abr/http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 07.02.2013).

Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 312 с.

Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // Stylistyka. Opole, 1998. Вып. VII. С.179–188.

Болотнова Н.С. Регулятивность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н.Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С.328–331.

Болотнова Н.С. О связи теории регулятивности текста с прагматикой // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2008. Вып.2(3). С.24–30.

Болотнова Н.С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2011. Вып.3(105). С.34–40.

Болотнова Н.С., Васильева А.А. Коммуникативная стилистика текста: Библиографический указатель по научному направлению. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. 188 с.

Болотнова Н.С. и др. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / авт. кол.: Н.С.Болотнова, И.И.Бабенко, Е.А.Бакланова, А.В.Болотнов, А.А.Васильева, А.С.Громова, С.М.Карпенко, И.В.Кочетова, А.В.Курьянович, О.В.Орлова, Н.Г.Петрова, И.Н.Тюкова, Т.Е.Яцуга. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. 492 с.

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL:

<http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 27.01.2013).

Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973. С.349–372.

Зимняя И.А. Психологическая схема смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М.: Наука, 1976. С.5–33.

Иванюшина И.Ю. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Саратов, 2003. 46 с.

Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М.: Высш. шк., 1990. 152 с.

Клинг О. Футуризм и “старый символистский хмель”. Влияние символизма на поэтику раннего русского футуризма // Вопросы литературы. 1996. №5. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1996/5/kling.html> (дата обращения: 24.04.2012).

Крученых А. Кукиш проشياкам. Москва; Таллин: Гилея, 1992. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/page/kruchenih-kukish.html> (дата обращения: 20.11.2012).

Михалик Е.А. Метасюжет поэзии В.Хлебникова: преодоление разобщенности мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Пермь, 2010. 28 с.

Петрова Н.Г. Лексическая регулятивность на уровне высказывания: универсальное и индивидуальное в поэтическом дискурсе символистов // Сибирский филологический журнал. 2010. №3. С.134–143.

Петрова Н.Г. К вопросу о лексической регулятивности на уровне высказывания в поэтическом дискурсе акмеистов // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2012. Вып.1(116). С.217–222.

Петрова Н.Г. Традиционное и новаторское в лексической регулятивности на уровне высказывания в поэтическом дискурсе футуристов // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2013. Вып.3 (131). С.173–179.

Пощечина общественному вкусу. М., 1912. URL: <http://www.futurism.ru/manifest/slap.htm> (дата обращения: 07.05.2012).

Раннапорт А.Г. К пониманию поэтического и культурно-исторического смысла монтажа // Монтаж: Литература, искусство, театр, кино. М., 1988. С.14–23. URL: <http://ec-dejavu.ru/m/Montage.html> (дата обращения: 20.02.2013).

**ORIGINALITY OF LEXICAL REGULATIVITY AT THE LEVEL OF UTTERANCE
IN THE POETIC FUTURIST DISCOURSE**

Nina G. Petrova

**Reader of Theory and Methodology of Pre-school Education Department
Novosibirsk State Pedagogical University**

In the article the specificity of lexical regulative chains based on the semantic reference of the words is regarded on the data of the futurists poetic discourse presented by the poetry collection: «Thunder-boiling Cup» (1913) by I.Severyanin, «Sailing to the Island of Citer» (1912) by G.Ivanov and V.Mayakovsky's and V.Khlebnikov's poems written before 1917. Several ego- and cubofuturists innovations in the lexical regulative chains of this type are revealed. The similarity of the lexical regulativity on the level of utterance in the poetic discourse of futurists and symbolists is identified. That is the evidence of the influence of symbolism on the poetics of early Russian futurism.

Key words: poetic discourse; futurism; utterance; regulativity; regulative chains based on the semantic reference of the words.